

С 1945 г. служил на приходе священник И. Романцов, с 1947 г. Фомин Прокофий Петрович, с 1950 г. – Конюхов Игорь Николаевич, с 1955 г. – Беликов Иван Михайлович, с 1965 г. – протоиерей Герасименко Илия Андреевич.

2 марта 1961 г. религиозная община в селе Новомихайловском была снята с регистрации, а 19 мая 1961 г. произведена опись имущества, принадлежащего Новомихайловскому молитвенному дому, с передачей Отраднo-Ольгинскому сельсовету. Казалось, что приход навсегда прекратил своё существование, но 2 июня 1990 г. вновь началось ходатайство граждан о регистрации религиозного общества и передачи здания церкви для восстановления и использования под молитвенные цели. 3 июня 1990 г. постановили безвозмездно передать здание Новомихайловской церкви обществу православных верующих [22].

С 10 декабря 1990 г. настоятелем храма был назначен священник Валерий Рудницкий, а с 1994 г. священник о. Виктор Филатов. При нём началось активное возрождение и восстановление церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

Церковь в плане имеет форму креста, трёхапсидная. Внутри храма частично уцелели росписи. Длина церкви около 30 метров, высота 15 метров. Стены толщиной 75 сантиметров, сложены в три кирпича. На окнах сохранились мозаичные витражи, а внутри храма частично – росписи. В настоящее время здание церкви является памятником церковного зодчества.

Примечания:

1. Ересько Е.М. Гулькевичи. Краснодар, 1994. С. 5.
2. Там же. С. 6.
3. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 454. Оп. 1. Д. 5905. Л. 10.
4. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар, 1986. С. 272.
5. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.): Справочник. Ставрополь, 2012. С. 172.
6. Справочник по Ставропольской епархии / Сост. Н.Т. Михайлов. Ставрополь, 2008. С. 756.
7. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5905. Л. 10.
8. Там же. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 234. Л. 40–76.
9. Там же. Л. 40.
10. Там же. Л. 76.
11. Ересько Е.М. Встречи с прошлым и настоящим. Краснодар, 1998. С. 57–58.
12. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.): Справочник. Ставрополь, 2012. С. 275.

13. Справочник по Ставропольской епархии / Сост. Н.Т. Михайлов. Ставрополь, 2008. С. 758.

14. Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в.): сб. документов. Краснодар, 2001. С. 478.

15. Полевой дневник, 2004 г. Исследователь Сытченко Д.В.

16. Кубанский календарь. Екатеринодар, 1915. С. 208; Кубанский календарь. Екатеринодар, 1909. С. 248.

17. ГАКК. Ф. 472. Оп. 1. Д. 29.

18. Там же. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 228. Л. 7–9.

19. Там же. Л. 13.

20. Там же. Л. 1.

21. Там же. Л. 9.

22. Там же. Л. 46.

Н.В. Кияшко

«Прикрываясь различными каноническими правилами, производят демонстративные поминовения патриарха»: советская власть и православные монастыри на юге СССР

Установление советской власти в апреле 1920 г. в г. Екатеринодаре ознаменовало победу диктатуры пролетариата на территории Кубано-Черноморской области и начало нового периода в истории региона. Перманентные и слабые попытки отдельных вооруженных казачьих отрядов сопротивляться новой власти в 1920–1921 гг. не только не имели успеха, но и провоцировали жесткую реакцию со стороны большевиков, выразившуюся в карательных экспедициях в районы восстаний. Во многом именно нестабильность социально-политического ландшафта региона обусловила инертность партийно-государственных органов в области реализации антирелигиозного законодательства.

Некоторые аспекты реализации религиозной политики после установления советской власти на юге рассматривались в более ранних публикациях автора [1]. Однако необходимо отметить, что вынесенная в заглавие настоящей статьи тема в историографии не представлена и специальное изучение получает впервые.

Религиозная политика советской власти основывалась на Декрете (далее – Декрет) Совета народных комиссаров «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января (2 февраля) 1918 г., получившем упрощенное название «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Реализация в центре и на местах настоящего документа и последующих нормативно-правовых актов, а также контакты

с религиозными организациями возлагались на Народный комиссариат юстиции (далее – НКЮ) РСФСР и подведомственные ему учреждения всех уровней. Первые Кубано-Черноморский областной революционный комитет рассмотрел исполнение Декрета на заседаниях 16 и 22 апреля, на которых были приняты решения об изъятии церковных земельных участков, запрещено преподавание религии в образовательных учреждениях, а также предписано приступить к ликвидации домовых храмов при учебных заведениях и передаче их имущества местным церковным общинам [2].

Важно отметить, что вплоть до июля 1920 г. исполнение постановлений КубЧероблревкома по реализации Декрета носило хаотичный характер и не имело централизованного руководства: основная ответственность была возложена на местные станичные ревкомы, контролируемые областным отделом управления, в то время как те же функции дублировал областной отдел юстиции. Несмотря на то, что советская власть в г. Екатеринодаре была установлена в марте 1920 г., вплоть до июля «церковный вопрос» в отделе юстиции не поднимался, а задержка с исполнением положений Декрета обуславливалась институциональными и кадровыми проблемами, с которыми столкнулось руководство в начале деятельности отдела.

Назначение 13 июля 1920 г. нового заведующего отделом юстиции КубЧероблревкома сдвинуло проблему решения «церковных» вопросов с мертвой точки. Как сообщал в отчетном докладе от 27 июля 1920 г. новый руководитель П.К. Краснушкин, при вступлении в должность им было «замечено полное отсутствие работ по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства...», в связи с чем он предполагал «сделать специальный доклад на закрытом заседании Ревкома о способах и методах проведения в жизнь этого декрета» [3]. Другой причиной промедления со стороны нового заведующего назывался страх брать «единолично на себя ответственность за политическую линию поведения в этом вопросе», на решение которого значительно влияли «разнохарактерность населения, политическая неприспособленность этого населения к новым формам жизни, громадное количество контрреволюционных элементов», – «все эти ус-

ловия диктуют особую осторожность при разрешении вопросов о мерах к проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства», – писал руководитель отдела юстиции [4]. «Осторожность» в проведении в жизнь положений Декрета была характерна всем органам управления, в т.ч. и самому КубЧероблревкому, который «на конкретные попытки на местах самочинно провести этот декрет не приостанавливал эти попытки, но и предлагал соблюдать всемерную осторожность» [5].

К концу июля 1920 г. П.К. Краснушкиным совместно с заведующим столом общественного обвинения был разработан проект положения о ликвидационной комиссии («по проведению в жизнь Декрета об отделении церкви от государства») [6], а для выработки комплекса административных мер предлагалось образовать межведомственную комиссию, состоящую из сотрудников всех отделов ревкома, задачей которой являлся бы централизованный контроль за религиозной политикой в области, управление процессами реализации Декрета и учет «всех живых сил, могущих принять участие в работе по предначерченным планам». Особо подчеркивалась сложность реализации антирелигиозных мероприятий в регионе, поэтому «ожидать скорого окончания проведения в жизнь этого декрета нельзя» [7].

В целях принятия на учет существующих монашеских общин и подготовки к их дальнейшей ликвидации отдел юстиции в июле 1920 г. запросил через отдел коммунального хозяйства КубЧероблревкома сведения о монастырях области. В письме областного отдела коммунального хозяйства отражены краткие сведения о земельных и хозяйственных владениях, количестве насельников и использовании советскими учреждениями помещений Марие-Магдалининского женского монастыря, в г. Новороссийске: архиерейского подворья Сухумской епархии (по ул. Воронцовской), подворья Ново-Афонского монастыря (по ул. Российской и Романовской), Покровского подворья Успенского Драндского монастыря Сухумской епархии (по ул. Богдановской), Ольгинского подворья Успенского Моквинского женского монастыря; Казанского подворья Успенского Драндского монастыря на хуторе Тарабанова Екатеринодарского отдела; Казанского мужского монастыря

(в районе станицы Васюринской) с Николаевским подворьем на хуторе Бейсужек-второй; Покровского женского монастыря (в районе станицы Динской) [8].

К началу 1921 г. ликвидационный подотдел отдела юстиции был официально создан под руководством сотрудника облисполкома Михайлова. Впервые план мероприятий по проведению в жизнь положений Декрета был озвучен на объединенном заседании отдела юстиции, Совнар суда и Совета народных судей 31 января 1921 г. заведующим подотделом. Основанный на распоряжениях центра, он включал в себя: ликвидацию монастырей с последующей передачей помещений и инвентаря заинтересованным ведомствам; обследование и окончательную ликвидацию домовых храмов; исследование церковного имущества и проверку наличия договоров, заключенных между общинами верующих и местными советами; определение церковного имущества, имеющего высокую историко-художественную значимость для передачи в областной музей; упорядочение и унификацию деятельности местных отделов ЗАГС в области гражданской регистрации и ведения статистики; контроль за исполнением удаления икон и «предметов религиозного культа» из советских учреждений; регистрацию групп верующих; уточнение информации о кредитных вкладах храмов и монастырей; составление приходами описей церковного имущества с их последующей проверкой и передачей заинтересованным группам верующих. Заключительные положения плана касались составления общего отчета и установления «характерных особенностей монастырей и достопримечательностей монастырей и храмов» [9].

4 февраля 1921 г. на заседании Коллегии областного отдела управления при КубЧероблисполкоме было признано необходимым «скорейшее проведение в жизнь Декрета Совнаркома об отделении церкви от государства». Для усиления работы в ликвидационный подотдел в качестве представителя от отдела управления был отправлен т. Бирюков. Этим же постановлением административному подотделу отдела управления было поручено провести учет монастырей, православных и старообрядческих общин в области и всего белого и черного духовенства [10].

Переход к активным действиям в от-

ношении монастырей Кубани ликвидационный подотдел предпринял с весны 1921 г., инициировав закрытие Марие-Магдалининского женского монастыря и расселение монахинь, а затем были закрыты Екатерино-Лебяжский Николаевский мужской монастырь, Покровский женский монастырь, Кавказский мужской монастырь с Александро-Невским подворьем в г. Армавире, Покровское подворье близ с. Гулькевичи Александро-Афонского Зеленчукского монастыря. Однако несогласованность действий областных отделов административного, земельного, юстиции и отдельных отделов управления препятствовали быстрому проведению ликвидации и контролю за монастырским имуществом.

В марте 1921 г. Марие-Магдалининский монастырь был официально закрыт, а монахини принудительно выселены из своих келий. Как видно из документов, обсуждение перспектив использования монастырского имущества, а также неразграниченность функций в контроле за ним между областным земельным отделом и отделом юстиции происходили на совместных заседаниях коллегий отделов [11].

Поселившиеся в обители подопечные колонии малолетних преступников вскоре разграбили и уничтожили оставшуюся церковную утварь, сельскохозяйственный инвентарь и предметы быта. Это произошло вследствие отсутствия контроля со стороны коммуны «Всемирная дружба», которой было поручено наблюдение за монастырским имуществом.

В связи с этим 6 мая 1921 г. подотдел колхозов облисполкома перевел колонию из Марие-Магдалининского в Покровский монастырь, освобожденный перед этим лепрозорием, перемещенным в Казанскую мужскую обитель [12].

Непонимание местными органами власти (отдельским и волостным исполкомами) законодательства об отделении Церкви от государства привело к тому, что на уровне Тимашевского отдела была создана собственная комиссия по ликвидации имущества, которая, когда в монастырь прибыла Комиссия из областного центра, указала на «необходимость действия в рамках предоставленных ей прав» [13]. Оправдываясь перед областным центром, председатель Тимисполкома сообщал, что «облкомиссия должна работать по передаче имущества

церковного местной церкви верующим гражданам, а не заниматься учетом имущества, не относящегося к церкви», и просил дать распоряжение облкомиссии сосредоточить свои усилия на церковном имуществе, а остальное (вероятно, с/х инвентарь и здания) оставить в ведении местной власти [14]. Преследуя цель централизации в проведении мероприятий по реализации Декрета, председатель КубЧероблисполкома в категорической форме потребовал от руководства Тимашевского отдела немедленно прекратить «самостоятельные действия» и не препятствовать работе областной комиссии в монастыре [15].

При проверке состояния Марие-Магдалининской обители областная комиссия констатировала, что весь монастырь «приведен в хаос и беспорядочный вид». «Из этого имущества многие вещи исчезли, как-то: ковры персидские, разные шелка, а также куски материи и прочее», – сообщалось в акте комиссии [16]. Регулярно председатель комиссии направлял телеграммы в г. Краснодар с сообщением о ходе проводимых работ [17]. С 26 мая по 7 июня длилась передача и сбор оставшегося имущества, проходившие в присутствии монастырского священника Иосифа Романова и представителя коммуны «Всемирная дружба» И. Переходова [18].

В это же время большинство монахинь монастыря были принудительно «взяты на учет» и отправлены под надзором сотрудников мобилизационно-комиссарского управления IX Кубанской армии на рыбные промыслы в город Петровск-порт (Махачкалу). Как следует из сохранившейся переписки, часть монахинь скрылась во время пути. Под непосредственным контролем КубЧер ЧК, в условиях полной секретности, были начаты поиски бежавших, в связи с чем ЧК 11 мая 1921 г. требовала от областных органов власти «не издавать никаких приказов» о мобилизации сил для поиска монахинь, соблюдая конспиративность, поскольку «эти приказы послужат сигналами к всеобщей панике духовенства» [19].

После закрытия обители верующие села Малинино предприняли попытку сохранить храмы монастыря, обратившись с ходатайством о передаче их в пользование сельскому приходу [20]. В протоколе собрания верующих председателем назван староста прихода А. Бровка и секретарь А. От-

рышко [21]. В поддержку прихожан села Малинино выступил полномочный представитель Кубанского епископа священник Ф.И. Делавериди 16 ноября 1921 г. По указанию КубЧероблисполкома представителями Тимашевского станичного исполкома Вознесенский собор вместе с утварью был передан по договору приходской общине села, и с декабря в обители вновь восстановилось богослужение [22].

Деятельность приходской общины и совершение богослужений в главном соборе монастыря, а также значительное число приходящих верующих с окрестных хуторов не устраивали руководство и членов коммуны «Всемирная Дружба», искавших повод для закрытия прихода. На совете коммуны 9 января 1922 г. было принято решение просить о закрытии храма в связи с тем, что совершение богослужений «не могло не отразиться на психологии коммунаров и каковые начинают уже посматривать в сторону» веры, а приезжающие богомольцы «ходят по хозяйству коммуны, что тоже самое отражается» на ее состоянии [23].

Во время проведения кампании по изъятию церковных ценностей по распоряжению отдела юстиции комиссия Тимашевского волисполкома 2 мая вскрыла опечатанный Покровский монастырский храм, из которого забрали все драгоценные сосуды и утварь (общим весом 1 пуд 16 фунтов), не упустив также возможность изъять церковную мебель, платки, полотенца и ткани для передачи местным детдомам. Аргументируя необходимость в вещах полным отсутствием последних у волостного детдома, председатель комиссии просил «срочного распоряжения» о передаче изъятых имущества [24]. Вскоре санкция областного отдела юстиции была получена [25].

Медля с официальным закрытием монастырей и проведением в жизнь положений нового законодательства в масштабе региона, КубЧероблревком при этом санкционировал локальные репрессивные кампании против духовенства, в т.ч. и клириков Марие-Магдалининского монастыря. Так, в сентябре 1920 г. председателем ревкома станицы Роговской по приказу председателя облревкома были арестованы монастырские клирики священник Кудрявцев и диакон Гилевич. Месяцем ранее председатель монашеской сельскохозяйственной артели Евгения Сапко

и монахиня Хмарина за неподчинение местной власти по ложному обвинению в контрреволюционном бунте были расстреляны [26]. 28 сентября 1920 г. начальником милиции станицы Чепигинской В.С. Чага был арестован иеромонах Екатерино-Лебяжского монастыря Илья (Враков) по обвинению в пропаганде против советской власти, якобы высказанной им во время проповеди в день богослужения Воздвижения Креста Господня. В конце октября он был переведен в тюрьму КубЧК, где оперативный сотрудник, рассмотрев следственное дело, вынес предложение о заключении священника в концлагерь до окончания Гражданской войны. Однако постановление военно-полевой тройки от 6 декабря 1920 г. оказалось намного жестче: «как ярого контрреволюционера» отца Илью приговорили к расстрелу, не принимая во внимание предложение следователя [27].

Местные власти неоднократно пытались собственными силами забрать имущество Екатерино-Лебяжского мужского монастыря, не дожидаясь ни официальной санкции областного центра, ни действий комиссии по ликвидации обители. Удобным предлогом для власти стало нападение в мае 1921 г. казачьих повстанческих отрядов на окружавшие монастырь населенные пункты, в связи с чем обитель была объявлена «притонном бело-зеленых банд» и принято решение о ее немедленной ликвидации [28]. На заседании Президиума Тимашевского отдельского исполкома 2 июля было заслушано предложение коммуны «Набат» забрать зимний храм для использования под школу. «Ввиду того, что церковь в настоящее время не используется по прямому назначению за отсутствием молящихся», Президиум дал свое разрешение, но при условии согласования с ликвидационным подотделом КубЧероблисполкома [29]. В ноябре монастырь называется «фактически ликвидированным», а использование собора под школу коммуной «Набат» ликвидационный подотдел облисполкома признал «целесообразным и не противоречащим» Декрету [30].

Представитель Кубанского епископа, стремясь сохранить драгоценный иконостас и богослужебную утварь древнейшего монастыря области, обратился в облисполком с просьбой передать епархиальному управлению имущество обители. Получив соответствующее распоряжение центра, предсе-

датель Тимашевского отдельского исполкома ультимативно потребовал от благочинного забрать все имущество, «в том числе и громоздкие иконостасы все вместе и сразу», стремясь таким образом доставить неприятности ненавистным «церковникам». Вскоре произвол местной власти удалось преодолеть: по просьбе священника Ф.И. Делавериди областной отдел юстиции разрешил перевозить имущество постепенно, начиная с икон, а каркасы иконостасов вывезти последними [31].

В начале мая 1921 г. отдел управления в категорической форме потребовал «немедленного и безоговорочного» выселения монахинь и закрытия Покровского монастыря с последующей передачей всего имущества Кубано-Черноморскому областному приюту-колонии для малолетних преступников [32]. Прибывшей из отдела юстиции комиссией во главе с заведующим П.К. Краснушкиным были допрошены послушницы Анастасия (Клыкова), Елизавета (Горюмова), Екатерина (Садовая), Юлия (Бурмистрова) и настоятельница игуменья Рафаила (Кончакова). С 17 по 25 июля длились допросы, а затем были вскрыты все тайники с зерном и деньгами. В связи с лишением Церкви права юридического лица комиссией были изъяты монастырская печать и угловой штамп [33]. 24 июля в присутствии клирика монастыря священника Георгия Михайловского и ризничих монахинь Маргариты и Клеопатры были составлены описи церковной утвари Покровского собора и домового храма. Причем последний, «как совершенно излишний», ввиду нехватки помещений для колонии малолетних преступников был передан под устройство библиотеки [34].

Как и по всей области, Покровскую обитель также коснулось изъятие ценностей: из Троицкого и Покровского храмов монастыря в мае были экспропрированы серебряные кадила, 17 лампад, 7 серебряных крестов, богослужебные предметы (чаши, дискос, звездица, ковчеги), а также накладные ризы с икон и сданы 23 мая в областную приходо-расходную кассу [35].

Наступление на Казанский мужской монастырь началось с первых месяцев 1921 г., когда 8 февраля комиссия исполкома хутора 3-й речки Кочеты в присутствии насельников иеродиакона Николая (Навозова) и монаха Геннадия (Криничного) изъяла

один жилой дом обители в пользу исполкома [36]. Письмом от 30 июня 1921 г. отдел управления Краснодарского отдельского исполкома принял постановление о ликвидации монастыря и предписал хуторскому исполкому «взять на учет Казанский мужской монастырь», после чего передать все имущество в ведение коммунхоза для организации коммуны. 28 июня областной земельный отдел «в связи с высказанными в облисполкоме пожеланиями» просил отдел юстиции приостановить ликвидацию в связи с необходимостью предварительного «обследования с политической стороны вопроса о закрытии» монастыря [37]. Вскоре по требованию отдела юстиции решение от исполкома было отменено, а сама ситуация взята на контроль областным руководством. Как видно из документов, в облисполкоме были высоки опасения возможных противостоятелей со стороны живших вблизи монастыря хуторян.

Несмотря на то, что официально обитель продолжала существовать, местная власть начала расхищение хозяйства: сельскохозяйственная артель им. А. Луначарского получила 600 шт. монастырского кирпича для строительства печей [38]. После широкой агитационной кампании среди местного населения закрытие обители было начато в секретном порядке в соответствии с предписанием облисполкома от 4 августа, который приказывал изъять все золото и серебро, «в чем бы таковое ни заключалось», вследствие чего вся богослужебная утварь, сосуды, облачения, деньги, лампы были упакованы и отправлены в ликвидационный подотдел облисполкома [39].

В условиях ужесточения советской политики в отношении Церкви единственной легальной формой существования монашеских общин в 1920–1921 гг. явилось создание сельскохозяйственных артелей и товариществ, в состав которых входили насельники упраздненных обителей. Нормативно-правовое положение с/х объединений регламентировалось циркулярным письмом Народного комиссариата земледелия от 30 октября 1919 г., в котором «к неуклонному исполнению» сообщались следующие положения: с/х объединение не могло получать в пользование храмы и богослужебную утварь; членами организаций не могут быть монахи и священнослужители, а только послушники и «вообще эксплуатировавшиеся богослу-

жебными организациями бедняки»; в случае необходимости церковное движимое и недвижимое имущество и с/х инвентарь должны быть переданы местной власти в обмен на альтернативную замену и т.д. [40].

С осени 1920 г. монашеские общины активно включались в создание с/х хозяйств и предпринимали усилия для их официальной регистрации. Монахи Казанского подворья Успенского Драндского монастыря 16 октября 1920 г. приняли решение организовать трудовую артель, в задачи которой входил бы не только с/х труд, но и создание мастерских (по жестяным изделиям, изготовлению корзин и деревянной посуды) с возможностью обучения для местных жителей. Организацию артели поддержали местная власть и все хуторяне. Так, председатель Львовского волостного исполкома, отмечая трудолюбие монахов и образцовость хозяйства подворья, писал: «...Могу лишь приветствовать открытие труд. сельско-хозяйств. общества, каковое, я уверен, безусловно повлияет на развитие и процветание сельского хозяйства при названном подворье, а мастерские, без сомнения, принесут известную государству пользу и местному населению» [41]. Председателем Совета артели, названной «Трудовое сельско-хозяйственное общество “Братство”», был избран иеромонах Гурий (Лашко), членами иеродиакон Филипп (Свистельников) и монах Валентин (Омельчак). 2 марта 1921 г. общество «Братство» было зарегистрировано в областном земельном отделе в составе 17 человек [42].

Летом 1920 г. на общем собрании насельниц Марие-Магдалининского женского монастыря была учреждена трудовая артель, в которую вошло 179 человек. Председательницей Совета артели избрали послушницу Евгению (Сапко), которая в дальнейшем от имени монашествующих занималась регистрацией в Тимашевском отдельском исполкоме. По некоторым сведениям, из-за разногласий с местной коммуной «Всемирная дружба», стремившейся отобрать монастырское имущество и земли у насельниц, Евгения (Сапко) и одна монахиня были объявлены руководителями контрреволюционного заговора и в августе расстреляны [43]. Под предлогом опасности со стороны высадившихся на побережье частей П.Н. Врангеля в монастыре устроили обыски с целью поиска оружия и военного обмундирования, не увенчавшиеся успехом.

Однако это не помешало 9 сентября 1920 г. председателю Роговского ревкома арестовать по поручению председателя Кубано-Черноморского ревкома Я. Полуяна монастырских клириков священника Кудрявцева и диакона Гилевича и отправить их в г. Краснодар для дальнейшего следствия [44].

Несмотря на трудности и очевидное противодействие со стороны местной власти, монашеская артель просуществовала до апреля 1921 г., когда монахи были изгнаны из монастыря членами коммуны «Всемирная дружба».

В декабре 1920 г. при Екатерино-Лебяжской Николаевской мужской пустыни была организована коммуна «Набат», в состав которой вошли насельники обители и местные жители. Постановлением коллегии Тимашевского отдельского земотдела от 28 января 1921 г. коммуна была зарегистрирована и в ее распоряжение выделено 400 десятин монастырской земли [45]. В мае 1921 г., во время карательной операции против казачьего повстанческого отряда и под предлогом борьбы с ним, монастырь был закрыт [46]. Прибывшая через месяц ликвидационная комиссия под председательством заведующего подотделом колхозов облисполкома Николаева-Петрова, оценив масштабы работ по учету сельскохозяйственного и богослужебного имущества обители, ходатайствовала о выделении дополнительной группы в 20 человек [47].

После официального закрытия в мае 1921 г. Покровского женского монастыря монахи продолжали жить вблизи него и, чтобы сохранить общину, обратились в г. Краснодар за разрешением создать сельскохозяйственную коммуну [48]. В начале июля земельный отдел КубЧероблисполкома утвердил создание трудовой сельскохозяйственной монашеской артели «Правда», причем особо был подчеркнут запрет на вмешательство в деятельность артели соседствующей с ней колонии, которой предписывалось передать весь сельскохозяйственный инвентарь и складские помещения. Интересно заметить, что без монахинь урожай 1921 г. был бы потерян, и именно поэтому областная власть пошла навстречу, разрешив создание артели и проведение сельскохозяйственных работ [49].

Полномасштабное наступление не закончилось с закрытием нескольких крупных обителей – поддержка в мае 1922 г.

епархиальным управлением и благочинными обновленческого раскола привели к еще большим гонениям на монастыри и монастырящих, которых раскольники объявили своими главными врагами и сторонниками Святейшего Патриарха Тихона. Жестокая ненависть и непримиримая нетерпимость уполномоченного обновленческого Высшего церковного управления протоиерея Ф.И. Делаверида к монастырящим отражена в его докладе КубЧероблисполкому, датированном ноябрем 1922 г., в котором среди срочных мер для поддержки раскола облисполкому предлагалось «закрыть монастырские подворья и монастыри в гор. Краснодаре, Армавире, Кропоткине, закрытые уже постановлением ВЦУ, или передать монастырские храмы в руки белого духовенства и тем самым разбить провокационные монастырские пункты» [50]. Риторика обновленческого руководителя ярко характеризует непримиримое отношение раскольников к монашеству.

Реакция власти последовала незамедлительно: в циркулярном порядке под грифом «совершенно секретно» 14 марта 1923 г. областной отдел управления приказал подведомственным управлениям «никакого содействия на местах духовенству и церковно-приходским советам не оказывать и не допускать разрешения тех собраний, на которых под флагом патриарха Тихона могут быть скрыты выступления против Советской власти». Особенно подчеркивалось, что церковные причты и приходские советы монастырских подворий в Армавире, Новороссийске и Кропоткине [51] «под видом благочестия, прикрываясь различными каноническими правилами, производят демонстративные поминовения патриарха Тихона... чем вносят в среду мирян смуту и вражду, нарушающую общественную тишину и порядок». Одновременно властям на местах запрещалось вступать в неофициальные контакты с «тихоновским» духовенством и приходскими советами и давать советы, а все отношения вести только официально и «строго согласованно с существующими декретами» [52].

Уже с первых дней февраля 1923 г. стало известно о принятом обновленческим епархиальным управлением решении закрыть Александро-Невское подворье Кавказского мужского монастыря в г. Армавире, а руководителей выслать. Члены церковного совета

подворья спешно обратились в Армавирский исполком с письмом, в котором указывали, что «избранные нами иеромонах Феодосий и председатель совета Сальников ничего преступного не совершили и потому не подлежат воздействию репрессивных мер..., вследствие чего мы убедительно просим Армисполком содействия и помощи, в случае могущих быть над нашей общиной и причастными к ней лицами насилий со стороны представителей “Живой Церкви”» [53]. Не получив ответа, члены общины отправили письмо председателю ВЦИК М.И. Калинину с просьбой «защитить нашу общину от незаконных действий “Живой Церкви” и ее адептов, которые вопреки декрету об отделении Церкви от государства посягают на закрытие монастыря» [54].

Вскоре с санкции областного отдела ГПУ облисполком приступил к последовательной ликвидации оставшихся монастырей и подворий: по постановлению отдела управления от 14 марта 1923 г. за № 155/с было закрыто Александро-Невское подворье, причем при содействии обновленцев ГПУ обвинило в контрреволюционной деятельности настоятеля подворья иеромонаха Феодосия (Литовченкова) и его помощника диакона Федота Сальникова [55]. Отец Федот вскоре был заключен в тюрьму в г. Ростове-на-Дону, но за отсутствием доказательств вины его через несколько месяцев освободили [56]. Другие насельники подворья были также высланы в г. Ростов-на-Дону для продолжения следствия при Полномочном представительстве ГПУ на Юго-Востоке РСФСР. Облисполком объяснял причины закрытия тем, что «монастырь был населен исключительно черным духовенством, враждебно настроенным к Советской власти и ведшим пропаганду Тихоновских идей среди верующего народа» [57]. Так – под ярлыком контрреволюционной опасности – советская власть расправлялась с монастырями.

В октябре член Коллегии НКЮ РСФСР потребовал от КубЧероблисполкома объяснений в связи с закрытием Армавирского подворья и Александро-Невского храма и уголовным преследованием насельников [58]. Прикрываясь опасностью распространения контрреволюционных группировок и антисоветской агитации, облисполком невозмутимо сообщал о законности состоявшегося закрытия, подчеркивая, что пропо-

ведь насельников «сеяла смуту и недовольство» [59]. Инициативные прихожане, не желавшие мириться с тем, что все храмы г. Армавира были захвачены обновленцами, в декабре 1923 г. повторно обратились в ВЦИК и НКЮ, объясняя отказ местного исполкома в регистрации канонической общины попустительством облисполкома, благодаря которому «верующие очутились под страшным террором уполномоченного ВЦУ в лице председателя Епархиального Управления Феодора Делавериди, без санкции которого ни одна группа верующих не регистрируется КубЧероблиспол.», «...убедившись в бесплодности доказывать свое право на свободное самоопределение в религиозных убеждениях пред Куб.Чер.обл. исполкомом, для которого, по-видимому, только и могут существовать в Куб.Чер.обл. группы, признающие ВЦУ или ВСС и получающие санкцию Куб.Чер. епархиального управления», – констатировали верующие [60].

Повторно из Москвы в облисполком пришла телеграмма с требованием дать объяснения и вернуть Александро-Невский храм верующим. Секретным письмом 31 марта 1924 г. облисполком сообщал НКЮ: «Группа тихоновцев..., подавшая жалобу в НКЮ на неправильную передачу храма другой общине, возглавляется руководителями, которые в большинстве своем за антисоветскую деятельность привлечены к судебной ответственности», а сама инициативная группа «состоит из политически неблагонадежного элемента» [61]. Настоящее противостояние органов на местах и Москвы иллюстрирует независимость в вопросах наступления на Церковь, которую под разными предложениями пытался отстоять облисполком.

Одним из последних в Армавирском отделе было закрыто Покровское подворье (скит) близ села Гулькевичи Александро-Афонской Зеленчукской пустыни, часть территории которого с 1922 г. использовалась рабочими местных винокуренного и сахарного заводов. В связи с попыткой официальной регистрации приходской общины 10 марта 1921 г. по обвинению в контрреволюционной работе во время господства Добровольческой армии был арестован настоятель подворья иеромонах Никодим (Антипов) и директор сахарного завода Н.Н. Хорцев. Более двух месяцев

заклученные находились в тюрьме Армавирского отделения ВЧК, вследствие чего неоднократно обращались с просьбой ускорить рассмотрение дела. По постановлению Коллегии Армгуб ЧК от 13 мая 1921 г. иеромонах Никодим (Антипов) был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян [62]. Через несколько лет, по постановлению КубЧероблисполкома от 9 февраля 1924 г. № 23/с, подворье было окончательно закрыто, имущество разделено между приходами с. Гулькевичи, с. Петропавловского и х. Майкопского, а жилые строения и храм переданы для «культурно-просветительских целей» рабочим заводов [63].

Таким образом, деятельность партийно-государственных органов в 1920–1924 гг. привела к полной ликвидации монашеских общин на территории юга РСФСР в пределах Кубано-Черноморской области. Становление советской власти и реализация религиозного законодательства сопровождалась в 1920–1921 гг. борьбой с повстанческими казачьими отрядами, что препятствовало полномасштабному обращению к сфере антицерковной работы. Вследствие этого одной из форм сохранения монашеских общин стало учреждение сельскохозяйственных артелей, благодаря которым монашествующие сохраняли за собой земельные участки и монастырское имущество. Востребованность монашеских сельскохозяйственных объединений в условиях НЭПа и падения уровня казачьих хозяйств представляет собой уникальный феномен региональной экономической системы. Начавшееся в 1922 г. давление на Церковь в результате поддержки партийно-государственными органами и органами госбезопасности обновленческого раскола привело к административному давлению и окончательному разрушению оставшихся монашеских общин, для устранения членов которых местная власть активно использовала контрреволюционные ярлыки.

Примечания:

1. *Кияшко Н.В.* Религиозная политика на Кубани в первые годы советской власти: проблемы и противоречия правоприменительной практики // Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений: материалы III Всерос. науч. конф. (г. Славянск-на-Кубани, 20–23 окт. 2017 г.) / под ред.: Т.Г. Письменной, А.Н. Рябикова. Славянск-на-Кубани, 2017. С. 55–63; *Кияшко Н.В.* Обновленческий раскол как компонент советской антицерковной политики и его эволюция на Кубани в 1920-е гг. //

Вестник Ставропольской духовной семинарии. Ставрополь, 2017. Вып. 1 (4). С. 26–42; *Кияшко Н.В.* Церковь и советская власть на юге в 1920-е гг.: взаимоотношения на местах в контексте государственной политики // Церковь. Богословие. История: материалы VII Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 8–10 февраля 2019 г.). Екатеринбург, 2019. С. 66–72.

2. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 6. Л. 53, 92; Д. 7. Л. 66.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-353. Оп. 4. Д. 73. Л. 120б.
4. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 73. Л. 22.
5. Там же.
6. Там же. Л. 4.
7. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 73. Л. 22.
8. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 276. Л. 16, 160б.
9. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 73. Л. 228об.
10. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 312. Л. 45об.
11. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 73. Л. 142.
12. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 246. Л. 24.
13. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 243. Л. 20.
14. ГАКК. Ф. Р-383. Оп. 1. Д. 607. Л. 92.
15. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 243. Л. 17.
16. ГАКК. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 12. Л. 130, 131.
17. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 243. Л. 13, 15, 16.
18. Там же. Л. 49.
19. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 239. Л. 24.
20. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 243. Л. 7.
21. Там же.
22. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 243. Л. 24, 46.
23. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 276. Л. 110б.
24. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 243. Л. 58.
25. Там же. Л. 56.
26. ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 1058. Л. 120, 159.
27. Архив Управления ФСБ РФ по Краснодарскому краю. Д. 77445. Л. 5, 6, 17, 18.
28. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 274. Л. 2.
29. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 243. Л. 2.
30. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 274. Л. 2.
31. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 243. Л. 47.
32. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 246. Л. 26.
33. Там же. Л. 23.
34. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 246. Л. 27–34.
35. ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 325. Л. 170.
36. ГАКК. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 753. Л. 5.
37. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 242. Л. 50, 51.
38. ГАКК. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 753. Л. 7.
39. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 242. Л. 57.
40. ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 874. Л. 20.
41. Там же. Л. 40б.
42. ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 874. Л. 21.
43. ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 1058. Л. 120.
44. Там же. Л. 93, 94, 159.
45. ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 1632. Л. 1, 3.
46. Там же. Л. 45.
47. ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 1632. Л. 50.
48. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 246. Л. 35.
49. Там же. Л. 44.
50. ГАКК. Ф. Р-1259. Оп. 1. Д. 13. Л. 210б.
51. Имеется в виду Кавказский мужской (миссионерский) монастырь.
52. ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 521. Л. 62.
53. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 29, 290б.
54. Там же. Л. 30.
55. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 29, 32.
56. Архив Управления ФСБ РФ по Краснодарскому краю. Д. 100170. Л. 156.
57. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 32.
58. Там же. Л. 31.
59. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 32.
60. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 7. Д. 6. Л. 590б.
61. Там же. Л. 94.
62. Архив Управления ФСБ РФ по Краснодарскому краю.
63. Архивный отдел администрации МО г. Армавир. Ф. Р-476. Оп. 2. Д. 12. Л. 27.